

I

В давние времена это было. Так давно, что уж и старые люди те годы запомнили. Ехал как-то славный князь Юрий Всеволодович по Руси с верной дружиной и заехал в непролазный лес. Вокруг ели темные, дубравы густые — куда взгляд ни кинь, всюду чаща. Заблудился князь — не знает, что и делать. Глядь: прямо перед его конем кулик болотный крылышками трепещет, на князя да на воинов посматривает, словно за собой приглашает.

«Неспроста кулик себя так ведет. Отправлюсь-ка я за ним», — подумал князь и приказал дружине ехать следом за птицей.

А кулик и впрямь дорогу показывает. Отлетит — и ждет. Отлетит — и ждет. Тропа в лесу совсем уж узкой стала, однако делать нечего — поспешает князь за птичкой.

Ропщут у него за спиной дружинники:

— Что за дело замыслил князь! Приведет нас глупый кулик к осоке да кочкам! Заведет в непролазные топи!

А князь их словно не слышит. Воины не унимаются:

— Спать нам нынче вместе с лягушками! Ужинать болотной водой да клюквой!

Ничего им князь не отвечает.

Но вот расступились перед дружиной ели да сосны. Захрапели кони, встали как вкопанные. И увидели князь и воины лесное озеро. Не простое оно! Разливается от озера золотистый свет, плывут по нему золотые лебеди.

Князь с дружиной взгляда не могут отвести от этой красоты. Долго стояли так любовались.

Понял тогда князь Юрий, почему он здесь оказался. Повернулся к дружинникам и говорит:

— Видно, сам Господь с Богородицей указали мне — быть на этом озере необыкновенному городу. Вместо стен будут ему церкви да храмы! Вместо мечей защитят его непроходимые леса!

Сказано-сделано. Всего за три года построили каменотесы и плотники на берегу озера невиданный прежде город. И правда: вместо крепостных стен белели там церкви да храмы. Синели, словно само небо, золотились, словно само солнце, их купола. Встали вдоль широких улиц резные терема да хоромы. Назвали тот город Китежем. Люди ахали и говорили: «Не иначе, с небес спустился на землю Китеж!»

По всей Руси пошла слава про град на лесном озере. Те, кто видел Китеж — в лучах ли утренних, на закате ли, — дивились его красоте. Поплыл с тех пор над озером Светлоярм радостный колокольный звон. И слышен он был за сотни верст — словно сам Господь бил в китежские колокола, призывая народ к молитве. По всей Руси не было звонче колоколов! И не было красивее девушек, от песен которых и стар и млад в пляс пускались.

И не сыскать было лучше кузнецов, ковавших топоры да плуги, опытнее плотников, возводивших палаты да избы, искуснее богомазов, малевавших своими кистями иконы, на которых святые были словно живыми. Трудились от зари до зари китежане: старцы, монахи, ремесленники — и славили Бога кто словом, а кто трудом.

Стеречь Китеж-город князь приказал трем своим воинам, братьям-богатырям Белогору, Белозару и Богомилу.

Чернобородый Белогор-великан одной рукой подымал коня, вырывал с корнями вековые деревья. Играючи подбрасывал в небо огромные валуны, а если сжимал в кулаке камень — оставался от того камня один песок. Не было равных ему в борьбе.

Поставил его Юрий у Южной заставы.

Белобородый Белозар-богатырь ростом вышел поменьше брата, но в дружине у князя не было воина быстрее и проворнее. Он легко обгонял скачущего молодого жеребца, а во время дождя мог проскользнуть сквозь водные струи так, что оставался сухим. Не нашлось равных ему и в бою на мечях.

Встал Белозар у Северной заставы.

Борода Богомила была рыжей, словно солнце. Не мог он тягаться с братьями в силе и быстроте, зато имел такой острый глаз, что стрелой попадал в зернышко колоска на другой стороне хлебного поля. Слух же имел такой, что, приложив ухо к земле, слышал, о чем говорят корни, жучки и мыши.

Приказал ему Юрий стоять у Западной заставы.

Китежане поили-кормили братьев, а те не смыкая глаз несли свою службу.

Был в княжьей дружине и некий Гришка по прозвищу Кутерьма. С виду хоть и молодец-молодцом, имел он черное сердце. С таким сердцем недолго и до беды. Заела Гришку зависть: почему не его пригласил князь Юрий на столь почетную службу. Правда, Гришка не так силен был, как Белогор-богатырь, не так проворен, как Белозар, и стрелял похуже зоркого Богомила, зато как умоется, как причешется, как достанет свою дудку-гудейку да заиграет на ней — ни одна девушка мимо не пройдет, не залюбовавшись ладным красавцем. Однако отказал ему князь.

Затаил Гришка с тех пор злобу, но вида до поры до времени не показывал.

II

Много ли, мало ли времени прошло: радуется город Китеж людям своими теремами да храмами. Звенят колокола над озером Светляром. Каждый вечер приходят Белогор и Белозар к младшему брату:

— Брат Богомил, присмотришь, все ли спокойно на Руси? Не летают ли вóроны? Не видно ли дыма? Не занялся ли где огонь?

Посмотрит Богомил во все стороны:

— Нет, братья-богатыри. Летают над Русью лишь белые голуби.
Не видать ни огня, ни дыма.

— Приложись, Богомил, к матери-земле. Не стонет ли она, не жалуется? Не слышны ли топот копытный да сабельный лязг? Не подкрадывается ли враг к Святой Руси?

Приложится Богомил к сырой земле:

— Не слышу я копытного топота. Не слышу сабельного лязга. Молчит мать-земля. Слышу лишь, как мышки-норушки между собой разговаривают.

Успокоятся богатыри, уходят к себе на заставы. И вновь плывет над Китежем колокольный звон, раздаются девичьи песни. Тянут рыбаки свои неводы. Стучат молотами кузнецы в кузнях. Торгуют торговцы, монахи молятся.

Но недолго жил Китеж-город мирной и светлой жизнью. Пришли однажды Белогор и Белозар к Богомилу.

— Посмотри-ка, брат Богомил, все ли спокойно?

Младший брат посмотрел да и говорит им:

— Вместо голубей вижу я летающих воронов.

— Приложись-ка тогда к земле. Что слышишь?

Богомил к земле приложился и отвечает братьям:

— Слышу я далекий лязг сабельный. Слышу топот копытный. Дрожит, стонет мать сыра-земля.

Встревожились богатыри. Спрашивают Богомила:

— И о чем же мать-земля стонет?

— Из далеких степей идет к нам несметное войско, поганая рать, и кличут ту силу Золотой Ордой. Во главе орды — Бату-хан. Брюхо его подобно стоведёрной бочке, а голова размером со жбан. Руки хана черны от крови христианской. Похваляется Бату-хан, что не оставит и памяти о Китеже. Грозится развалить по камням его соборы и церкви, а из тех камней возвести себе шатер, какого не было еще ни у одного властителя. Клянется разбойник — драгоценными камнями из святых икон вымостит он пол в том шатре, а из золота и серебра, что найдет в Китеже, выплавит себе идолище, чтобы ему поклоняться. Мечтает Бату-хан поставить себе трон на костях человеческих и, сидя на том троне, пировать в шатре с верными воинами — нукерами. Пить же вино собирается он из чаш, сделанных из черепов русских людей.

